

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. 24 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК РАДОСТЬ МОЯ

— Веселья! Па-а-ад... бавь! — крикнул поручик Ровный, и серый отряд сонных юнкеров вздрогнул, словно проснувшись, стук шагов по мостовой ожил. Запевала Печкин громко зазвенел в осеннем промозглом воздухе:

*Браво идут юнкера александровцы,
Серебром погоны на солнце горят.*

И молодые глотки лихо подхватили, разнося песню по всей Знаменке, во все переулки:

*Грянем «ура!», лихие юнкера!
За матушку Россию, двуглавого орла!*

Юнкер Гагарин не преминул при этом глянуть на шагающего рядом юнкера Щеглина: мол, получи же!

Дело в том, что Гагарин продолжал настойчиво петь в припеве прежний вид, а именно: «За матушку Россию, за русского царя!» И не далее как вчера они со Щеглиным поцапались.

— Гага,— сказал Щеглин,— ты когда соизволишь петь как все? Девятый месяц в России никакого царя.

— А для меня есть,— упрямо насупился Гагарин.

— Гражданин Романов?

— Государь император Николай Александрович. Для меня он был и остается нашим отцом. Шефом нашего училища.

— Но ведь это глупо, Гага. История движется вперед неумолимо. Россия республика. Полагаю, что навеки.

— Посмотрим.

— К тому же, и рифма смешная. Ты уж тогда пой не «юнкера», а как извозчики говорят: «юнкаря». Это с царем в рифму будет. «Грянем «ура!»», лихие юнкаря»...

— Можно подумать, что рифма «юнкера» и «орла» точнее.

Едва не кончилось дракой. Вовремя подвернулся Печкин, которого Гагарин с летних лагерей считал своим закадычным другом и выручалой. Тогда он спас его от карцера, сейчас — от бессмысленной потасовки с циничным Щеглиным.

Печкин считался поэтом их второй, звериной, роты. Был он музыкант и превосходный шахматист, но славился именно как поэт. Сначала над ним издевались: «Что это за поэт Печкин?» Но он отбивался, говоря: «И Пушкин кому-то покажется смешным, а уж особенно Грибоедов...»

Стихи его постепенно вошли в жизнь, их переписывали, а поскольку инициалы у Александра Степановича Печкина были как у Пушкина, то за ним укрепилась кличка «А. С. Печкин».

— В прежнем варианте,— рассудил он,— рифмовались не четвертая с третьей, а вторая с четвертой. «Горят» — «царя». А сейчас, с изменением государственного строя в России, все рифмы полетели в тартарары.

И теперь Гагарин мог поглядывать на Щеглина несколько торжествующе: можешь, дурак, и впредь жить без царя в голове!

Быстро оставив за спиной фасад родного училища, юнкерское отделение из двадцати человек пропустило летящий трамвай и вышло в чуждый и враждебный мир утренней Москвы. Чугунный Гоголь, отвернувшись от суетливой Арбатской площади, проводил юнкеров своим длинным подслеповатым взором, вздохнул: «Це не доброе дило мы зробылы...», и снова задремал.

А юнкера бодро свернули в Пречистенский, и теперь их звонкая песня летела не на запад, а на юг:

*Слева и справа идут гимназисточки,
Как же нам, братцы, равнение держать?
Грянем «ура!»», лихие юнкера...*

Увы, ни слева, ни справа на сей раз не видать было гимназисточек, которые бы весело помахали им ручкой, припрыгивая. Вместо них по бульвару шли какие-то угрюмые личности, видать, изрядно постаравшиеся для сегодняшнего похмелья, как в таких случаях говаривал юнкерский любимец-наставник — поручик Снегирев.

Одно из этих существ, отхаркнувшись, грязно выругалось вслед молодцам и добавило:

— Скоро мы этих юнькирьчат...

Но мало кто это услышал, и песня продолжала печатать шаг по длинному бульвару, шелестящему лысеющими деревьями:

*Съемки примерные,
Съемки глазомерные,
Вы научили нас девушек любить!
Грянем «ура!»», лихие юнкера...*

Положа руку на сердце, это была песня чужая, по закону принадлежавшая Николаевскому кавалерийскому училищу. Но уж больно хороша, и нравилась поголовно всем юнкерам на всем пространстве матушки России, потому и в каждом военном училище, будь то Москва или Киев, Одесса или Тифлис, Иркутск или Петроград, ее дружно пели, переиначивая и подлаживая под себя. Эскадронного заменяли ротным, где-то пели гимназисточек, а где-то институточек, где-то съемки научили девушек любить, а где-то женщин, но суть песни оставалась одна — удаль и бесшабашность.

И чем больше они приближались к концу песни, к бутылочке, тем веселее им становилось на душе. И ведь недаром же их сняли с занятий сразу после осмотра, молитвы и чая. Идут куда-то по важному поручению, предводительствуемые самим поручиком Ровным, начальником военно-политического отдела штаба округа.

*Бравый наш ротный скомандовал: «Смирно!»
Руку свою приложил к козырьку.
Грянем «Ура!», лихие юнкера,
За матушку Россию, двуглавого орла!*

А Гагарин гнул свое: «за русского царя!»

Но настало время бутылочки, которую ротный обязан был запретить, а юнкера обязаны были его не послушать, потому что времена нынче вольные такие, что даже в военных училищах себе кое-что позволяют.

— От-ставить бутылочку! — с усмешкой крикнул поручик Ровный, но юнкера — нет, окончили песню, как полагается:

*Радость моя
Любимая —
Буль-буль-буль бутылочка зеленого вина!*

* * *

Алексей Алексеевич наслаждался домашним уютом; тем, что, вот, погода надвигается самая слякотная и промозглая, а он посиживает в своем кабинете, и не надо ему ни в штабы, ни на передовые, никудашеньки. Позавтракав, можно сидеть у окна в кресле и, не спеша, листать свежие газеты, поругивая газетчиков, будто все, что происходит в стране — только их лохматых рук дело.

«Тревожные дни...» «Начало восстания...» «Большинство войск на стороне большевиков...» «Железные дороги в руках солдат...» «В Смольном создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских...»

— Э, ты ж!.. Эти мне рабочие и солдатские!..

Далее «Раннее утро» сообщало о кошунстве в Успенском соборе Кремля, где пьяные солдаты пятьдесят шестого резервного полка сорвали покровы с мощей святителя Ермогена.

— Вот они вам, полюбуйтесь!..

В Москву приехал писатель Чириков. Горький уже тут несколько дней. Его сын служит в пятьдесят шестом запасном пехотном полку, который теперь стоит в Кремле. И полк-то — краснопузенький!..

А сколько афиш разных кривляк-юмористов! Россия летит в тартарары, а публика собирается полными залами и ржет до опупения. Театр легкой комедии... Фарс «Блудлив, как кот»... Пьеса «Кривое зеркало»... Каждый вечер представление «Смехляндия», в котором два остряка, переодетые старушками, потешают до беспамятства. А в театре сатиры нескончаемыми аншлагами ежедневно спектакль с весьма красноречивым заглавием — «Ко всем чертям!» Зрители ухохатываются...

— А этих-то, этих сколько! — проворчал Алексей Алексеевич, дойдя до последней страницы газеты, где, словно красная сыпь, сплошь объявления о сифилисе да о триппере, да о половой слабости. И еще о «половом бессилии при полном половом истощении». Все вылечим! — Это ж надо! Человек уже довел себя до полного полового истощения, а ему: «Ничего-с, пилюльки... И пожалте, еще сколько угодно кувыркайтесь!» А доктора-то, доктора... Все сплошь эти...— И Алексей Алексеевич не поленился вслух прочесть все фамилии докторов, предлагающих услуги в лечении срамных болезней и срамного бессилия: — Левин, Шапиро, Шмулевич, Розенталь, Леви, Шниткинд, Коган, Кац, Вельзевуттер... А впрочем, грешно судить, ибо и при фронтовых госпиталях мне нередко встречались и Лифшицы, и Рошали, и Аронсоны...

Он перешел к «Биржевым ведомостям»: «На грани...» «Россия на краю пропасти...» «Заявление генерала Алексева о том, что власть должна проявить твердость...»

— Да уж, твердость... У Керенского!.. Да с Алексеевым.

«Вчера в двенадцать часов дня к Зимнему дворцу подошел женский добровольческий батальон».

— Гуси, гуси, га-га-га! Те Рим спасли, а Керенского бабы спасать приперлись...

«Закрытие большевистских газет...» «Грозный час для Италии...» Это с европейского фронта, где итальянцы получили по зубам от немца и австрияка.

— Ну-ну... Глядите, и у вас появятся сеньоры большевицки!..

Война для него закончилась. Хватит, навоевался! Он провел самую блистательную военную операцию за всю эту мировую бойню, и вот, смещен с поста главнокомандующего! Обида в Алексее Алексеевиче до сих пор горела незаживающей раной. Пусть теперь другие покомандуют, а мы посмотрим, как вы обойдетесь без Брусилова!

Алексей Алексеевич понимал, что это скверно, но внутри себя все равно тешился мыслями о том, как все рухнет, и никто не сможет справиться с германцем, потому что лучшего полководца отправили отдыхать. С горечью вспомнилось, как однажды услышал о себе: «Он возомнил, что у нас уже не Россия, а Брусилия!»

Одна статья сообщала о предстоящем сокращении света, то есть ограничении часов подачи электроэнергии, но звучало зловеще, и Алексей Алексеевич не удержался, чтобы не фыркнуть:

— Конец света наступит постепенным сокращением!

«Московский листок» подробно рассказывал о событиях в Калуге, где творилась настоящая пугачевщина. Озверелая вольница громила и грабила магазины, зажиточных обывателей, всех подряд. Убивала, жгла, насиловала. Войска применили силу...

И тут же рядом опять: в Сатире «Ко всем чертям», в театре «ЗОН» «Король веселится», а при гонорее нет лучшего средства, чем капсулы «Кубеноль», реклама которых на полгазеты, заслоняя все происходящее, все страшное, творящееся в родной стране.

— Алексей Алексеевич, к вам гости,— сообщил шурин, вежливо постучав в дверь к отставному генералу.

Старший брат жены генерал-майор Яхонтов некоторое время служил адъютантом Верховного главнокомандующего Брусилова, пока Алексея Алексеевича не отправили в отставку, а месяц назад и сам по болезни был отправлен в отставку и теперь обитал у Брусиловых в Мансуровском переулке.

— Спасибо, Ростислав Владимирович, просите.

* * *

Сердце Гагарина билось все сильнее и тревожнее. Поначалу он ни о чем таком и не думал. Скорее всего, Ровный вел их на Пречистенку, к штабу Московского военного округа. И действительно, мелькнул и остался за спиной слева в серой осенней

полумгле бело-золотой Христос Спаситель, юнкера свернули направо и, уже без песни, зашагали к зданию штаба.

Но нет, поручик вел их еще дальше, мимо известной усадьбы богача и музыканта Всеволожского, перестроенной купцом Степановым под псевдоклассику. Они шли уже без песен, и чем дальше, тем сильнее билось сердце. Там, впереди, был переулочек, слишком хорошо знакомый юнкеру Гагарину. Туда он имел обыкновение приходить, стоял там под окнами, уходил из переулка то счастливый, то с мыслью: «Застрелиться!» И теперь он, кажется, догадывался, куда их ведут. В том же заветном доме, к которому он хаживал, жил Кутузов нынешней войны, в пух и прах разгромивший Австрию в Голиции, и если б не помощь Германии, мы уже сейчас стояли бы в Вене. Благодаря этому маленькому сухонькому генералу от кавалерии с бравыми седыми усами, торчащими в разные стороны. Теперь он был не у дел, как некогда бывал отставлен и сам Суворов. Но придет время, его вновь призовут к победам!..

И впрямь, они миновали Дурнов и Лопухин переулки, справа осталось за спиной пожарное депо, слева Полуэктовский!..

Какой-то торгаш-асмодей при виде юнкеров крикнул:

— Эй, корпусятники! Купите коробочки! Полнографические!

И стал показывать свой поганый товарец, но никто в его сторону и бровью не повел.

Вот он, многоколонный Александро-Мариинский женский институт, в котором училась она... А вот прошли мимо Морозовской галереи и свернули в Мансуровский переулок, в котором она жила... В том же доме, где отставной герой генерал.

Она. Людмила. Роковая женщина в жизни юнкера Петра Гагарина. При ней он, высокий здоровяк, один из самых крепких парней во второй роте второго курса, становился робким и мяклым, словно моченое антоновское яблоко, некогда каменное. С этим он ничего не мог поделать. Злился на себя, но все равно, из рук валились предметы, падала на блюдце чашка с чаем, хрупкий фарфор разбивался, чай ошпаривал колени, а отец Людмилы профессор Голубев, член Московской думы, а сейчас, вдобавок, и участник Собора Русской Православной Церкви, умирал со смеху:

— Таковые богатыри, должно быть, только из братин пьют. Из этих, как их там... Из ендов. Из двуручных кубков. Что им наши чашечки!

У Виктора Николаевича Голубева было две дочери, Людмила и Ангелина. В сентябре он затеял в своей огромной квартире небольшой бал и через знакомство с начальником Александровского училища выпросил четверых юнкеров, таких, чтобы не хлюпки, но образованные, чтобы знали толк в музыке и в поэзии, но при этом вид имели крепких молодых мужчин. С того дня все и началось.

Когда Гагарин увидел Людмилу — будто в грудь его толкнуло, как при отдаче в момент выстрела из ружья. И Петр Иванович потерял голову. Дважды он еще был у Голубевых в гостях и несколько раз встречался с Людмилой тайно, они бродили по осенним бульварам, шуршали листвой, а когда темнело, и никого не было поблизости, долго и мучительно целовались.

А потом произошла катастрофа.

— Милый мой мальчик... Я скверная, гадкая... Я сама не могла представить, что смогу одновременно любить двоих. Ты должен застрелить меня! Это какое-то наваждение. Мое сердце принадлежит тебе, но когда я вижу его, то во мне все переворачивается, и я ничего не могу с собой поделать!

Соперником оказался поручик Дорогин, состоявший в пятьдесят шестом резервном полку, который нес охрану Кремля. Полк этот имел весьма дурную репутацию. Распропагандированный большевиками, он готов был защищать их, если они решатся взять всю власть в России в свои руки. Сергей Владиславович Дорогин сам при-

надлежал к большевизии. Красивый, с дерзким взглядом мужчины, привыкшего покорять женские сердца. У Гагарина перед ним было лишь одно преимущество — благороднейшее происхождение, но что оно теперь значило! Во всем остальном Дорогин превосходил юнкера. Взрослый человек, под тридцать. А Гагарин вдобавок еще и моложе Людмилы, хоть и всего на год. Что бы ему влюбиться в младшую, в Ангелину, которой на два года меньше, чем сестре! Но ведь сердцу не прикажешь...

Бедный Гагарин! Как только появился этот Дорогин, жизнь превратилась в сущий ад. Он с ужасом боялся даже прикоснуться мыслью к тому, как далеко зашло у Людмилы с опытным и смелым Дорогиным. Неделью назад состоялся разрыв. Гагарин смог позвонить из училища по телефону, договорился с Людмилой о короткой встрече, которая вся состояла из того, что девушка передала ему письмецо: «Прости меня, Петенька! Я не достойна тебя! Ты больше не должен меня видеть. Я виновата, что дала тебе надежды, а теперь их забираю. Бог меня, должно быть, накажет за это. А ты — чистый и светлый мальчик, у тебя впереди славное и высокое будущее. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай! Л. Г.»

Это случилось в прошлую среду днем. По средам у юнкеров вторая половина дня была свободна, и что ему было делать с этой бесконечной страшной половиной, он не знал. То, что он застрелится, можно не сомневаться, но именно ли в тот же день? И Петр Иванович размыслил так: застрелиться сразу по получению отставки от любимой женщины — скажут, порыв, минутная слабость. Нет, он должен как в рассказе Куприна. Осознанно подготовиться, написать подробное письмо о своих поруганных чувствах, обставить уход красиво.

Куприным, как писателем, выпущенным в свое время из стен их училища, александровцы увлекались поголовно. Гагарин перечитал все, что вышло из-под его пера. Особенно после того, как во время второй встречи в доме в Мансуровском переулке, сидя за чаем у Голубевых, Петруша испытал жгучий стыд за свою неотесанность. Мать Людмилы, Ирина Дмитриевна, заговорила о литературе, стала спрашивать:

— Ну-с, товарищи юнкера, кого вы читали запоем в последнее время?

Она была из прогрессивных и, видать, после февраля с восторгом восприняла отмену обращения «господа» и замену его на «товарищи».

«Товарищи юнкера» — а на чаепитие были приглашены на сей раз только двое, Гагарин и Печкин — оказались ни в зуб ногой. Печкин хотя бы в поэзии кое-как разбирался, знал наизусть Пушкина, Лермонтова, Гумилева, но и то сказать, свои стихи он помнил лучше. А вот Гагарин совсем опростоволосился, когда его спросили, что последнее он прочитал у Куприна.

— Стыдно, товарищ юнкер! Особенно стыдно потому, что Александр Иванович Куприн — выпускник Александровского училища, в котором вы имеете честь проходить становление. Чем же вы занимаетесь в свободное время? В безик режетесь, как бывший государь император? Страшилки друг другу рассказываете?

И к следующему визиту в Мансуровский Петр Иванович расстарался. Он готов был рассказать содержание всего прочитанного. Даже истрепанный и измусоленный сборник «Земля» с полузапрещенной «Ямой» он сумел-таки раздобыть на одну ночь и одолел, испытав настоящий шок от распахнувшихся откровений писателя.

Увы, сколько он ни старался повернуть разговор в нужном направлении, о литературе и о Куприне на сей раз ни у кого не было желания говорить. Говорили и спорили о живописи, о каких-то мирискусниках и экспрессионистах. Стреляли, шипели, лопались, трещали и плавились незнакомые ему имена — Бенуа, Добужинский, Бакст, Лансере, Сомов, Барлах, Пехштейн, Нольде, Шмидт-Ротлуф, Дикс — а он сидел и моргал от обиды, что и теперь не может свободно и легко участвовать в разговоре. Что такое сионизм, он знал, а экспрессионизм — стремительный сионизм, что ли?.. Так и хотелось задать этот дерзкий вопрос.

В тот вечер его утешила Людмила. Когда они ненадолго остались вдвоем, она сказала об Ирине Дмитриевне:

— Терпеть не могу, как она начинает обо всем подряд сыпать, заваливать собеседника своей эрудицией. Это, в конце концов, бывает весьма неучтиво! Соседство Морозовской галереи дурно на нее влияет.

В тот вечер состоялся их первый мимолетный поцелуй...

Боже, как все мимолетно! И вот он уже отверженный, предпочтенный другому мужчине, перестрадавший. И, что удивительно, он так и не собрался с духом написать подробное письмо родителям и грядущим поколениям юнкеров о причинах своего самоубийства, ничего так и не подготовил, не обставил красиво, и никакого самоубийства так и не совершил!

Сейчас, когда их отряд выстроился в Мансуровском прямо напротив заветного дома, Гагарина жег стыд за то, что он до сих пор жив, и явился сюда. А что, если она выглянет в окно и увидит его? Выхватить в ту минуту из кобуры револьвер и пустить себе пулю в висок. У нее на глазах. Среди бела дня. В присутствии товарищей по училищу. При начальнике военно-политического отдела. Быть может, на глазах самого генерала Брусилова, если и он выглянет из окна. Это было бы весьма эффектно!

Ах, да, ведь сегодня вторник. Людмила в институте. Скорее всего на литургии в институтской церкви. Ведь сегодня праздник, Всех Скорбящих Радость.

— Господа юнкера, смирно! — скомандовал Ровный. В отличие от Людмилиной мамыши, он не употреблял обращения «товарищ», которое за лето и осень почти полностью стало принадлежностью красных.— Мы находимся пред домом, в котором проживает прославленный русский генерал Брусилов. Летом сего года он являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами России. В таковой же должности он может оказаться и в ближайшее время. В данный момент я отправляюсь к нему на аудиенцию, а вас прошу сохранять стойку «смирно», а как только мы с генералом появимся в окне, немедля отдать честь и здравицу. Командовать назначаю...

Все напряглись.

— Юнкер Гагарин.

— Слушаюсь!

Вопрос о пуле в лоб отпал. Застрелиться, командуя отрядом, стыдно.

Ровный отправился на аудиенцию. Юнкера застыли в ожидании. Трехэтажный дом, построенный в стиле модерн, с любопытством взирал на них своими крупными окнами. Квартиры в нем располагались соответственно на трех этажах. Нижний занимала семья какого-то промышленника. Средний этаж — семейство Голубевых и квартира самого хозяина дома. Брусилов жил на третьем этаже, украшенном просторным балконным гульбищем и двумя башнями, круглой и треугольной. В этот балкон и в эти башни жадно нацелились глаза юнкеров.

Вдруг Гагарин почувствовал уже знакомый удар в сердце, как отдачу при выстреле из ружья. В широком окне на втором этаже отодвинулась штора и показалась она. Людмила. Почему не в институте? Больна?.. Или... да нет, невероятно... не могла же она его ждать!..

Она смотрела и улыбалась ему. В сей миг Гагарину было хоть в пропасть шагнуть. Мысль совершить страшный, дерзкий поступок мигом вспыхнула в его несчастной голове.

— Господа юнкера! — скомандовал он.— Отдать честь!

И спасением стало лишь то, что именно в сей дерзкий миг распахнулась дверь балкона и на третьем этаже появилась маленькая сухонькая фигурка генерала, а следом за ней фигура поручика Ровного. Юнкера отдали честь.

— Здорово, ребята! — сказал с балкона генерал.

Юнкера мощно вдохнули и рывкнули на весь переулочек, да так, что прокатилось и по Остоженке, и по Пречистенке:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Людмила засмеялась в своем окне и весело замахала рукой, вся вытягиваясь вверх, показывая, как она стройна, какая у нее тонкая талия и развитая грудь. И юнкера невольно засмеялись в ответ, а Гагарин сорвал с головы фуражку и поднял ее за козырек на вытянутой руке.

* * *

— О, зверей привел? — спросил Брусилов, любуясь крупными могучими юнкерами второй роты Александровского училища. В эту роту испокон веку брали богатырей, которых за мощь и крепость издавна повелось звать зверями. Для аудиенции к генералу-герою были отобраны самые могучие. На одного Витю Немаленького посмотреть — оторопь берет. Фамилия его на самом деле была Крылов, а Немаленьким его прозвали на втором курсе училища. В кадетах Витя был как раз самым маленьким и прозвище имел «Витя Маленький». В училище его взяли в четвертую роту, но после летних лагерей он так вымахал, что его перевели в звериную, а прозвище поменяли в соответствии с новой действительностью.

— А этот-то чего фуражку вытянул? — спросил Брусилов про Гагарина.

— От восторга голову потерял, должно быть,— поморщился Ровный.— Вот я ему задам, сукину сыну!

— И поделом. Вернемся в комнаты, у меня горло простужено.

В кабинете прислуга уже накрыла чай, к которому были поданы калачи, сыр, масло и мясной паштет. Ровный не спешил притрагиваться к угощению. А вот четыре борзые собаки с беспокойством принюхивались и возмущенно ходили в отдалении вокруг кабинета, недоумевая, почему люди не кинутся и не проглотят разом все это пахучее великолепие. Что за нерасторопные создания, эти одетые двуногие! Из уголков собачьих ртов потянулись сосульки слюней.

— Алексей Алексеевич, положение, как вы сами знаете, критическое. В ближайшие дни большевики осуществят нависшее — попытаются захватить власть в Петрограде и Москве. Причем, путем вооруженного восстания. Они сильны, как никогда. Если летом мы могли говорить, что можно обойтись без военного диктатора, то сейчас необходимость в таковом назрела. Вы — главный герой Второй Отечественной войны. Знаю, как вы ненавидите высокопарные сравнения, но иного Пожарского у нас сейчас нет. Это вы. В штабе мне поручено спросить вас прямо, готовы ли вы стать военным диктатором в случае, если большевики решатся на государственный переворот.

— Большевики... — тихо отозвался Брусилов. — Пейте чай, поручик, закусывайте. Чаек, á rgoros*, жемчужного сорта. М-да, большевики... Представьте себе большую, крепкую семью. Отец и мать воспитывают детей в строгости, готовят их к будущей суровой жизни. А рядом сосед. Хитрый, пронырливый. Но детей у него нет, и он начинает переманивать к себе этих. Говорит им: «Я не буду заставлять вас готовить уроки, зубрить иностранные языки, напрягать мозги над алгеброй и геометрией. Вы будете только гулять, развлекаться, шалить. За шалости, кстати, тоже не буду наказывать». И переманивает. Только не сообщает им, что в будущем они не поступят в университеты и в хорошие училища, а станут батраками у чужого дяди. Точно так же большевики. В это лето, когда я стал главнокомандующим, наша армия была сильна, как никогда. У нас исчезла нехватка в боеприпасах, полки были укомплектованы, мы во всем достигли перевеса над врагом. Произошла революция, очистившая военное

* Между прочим (франц.).

руководство от огромной массы лишних людей из числа придворной швали. После победоносного шестнадцатого нас ждал еще более победоносный семнадцатый.

— Да, я помню, как вы твердо заявили, что война в сущности уже выиграна нами, что семнадцатый будет годом великой победы. Читал в газетах,— сказал Ровный.

— Да, заявлял,— вздохнул Брусилов.— И не отрекаюсь. Победа была у нас в кармане. Причем, в нагрудном. Если бы не большевики. «Пока вы тут воюете понапрасну, ваши братья делят доставшуюся им землю и помещичье барахло. Не будьте дураками, штык в землю и по домам!» Нас победило не германское оружие, а большевистские говорилки, против которых наши офицеры воевать оказались необучены. Я ненавижу большевиков всей душой. Они отняли у нас победу. Мою победу!

Он гневно простонал, и Ровный приободрился:

— Стало быть, вы готовы ответить положительно?

Лицо Брусилова сморщилось, будто у него внезапно заболел живот.

— Нет,— ответил он тихо.

— Но почему? Алексей Алексеевич!

— Это не мое открытие, но генералы для войны против внешнего врага совершенные олухи при войне с врагом внутренним.

— А Суворов против Пугачева?

— А что Суворов? К Пугачеву он пришел к шапочному разбору. Только и дел, что вез его в клетке. Да и была ли та клетка?..

— Поляков громил.

— Какие же поляки внутренние! Помилуйте!

— Славяне же...

— И не славяне они вовсе. У них даже спасибо из немецкого взято. «Дзенькуе» это ведь то же, что «данке». Только и в немцы их никто не возьмет... Ладно, Бог с ними! Вы совсем не едите ничего. Паштет свежайший. А военным диктатором мне не быть. Не смогу. К тому же, если я не симпатизирую большевикам, то Керенскому еще больше не радуюсь. Одни гады пожирают других. Сейчас людям, которые в будущем будут нужны России, лучше спрятаться под землю и затаиться до времени. Выждать, пока революция пережрет своих детей.

— Вот так стратегия!

— Увы. Поймите, голубчик, в братской войне героев не бывает. Невского, Донского, Пожарского мы помним. А скажите, кто сейчас помнит героев, отличившихся в княжеских междоусобицах?

— Стало быть, штабу ваш ответ — нет?

— Именно.

— В таком случае, мне поручено все равно выразить вам глубочайшее уважение и оставить у вас юнкерский пикет.

— Из этих милых зверушек?

— В ближайшие дни в Москве будет жарко. Велика вероятность, что головорезы из большевистской банды захотят крови лучшего русского генерала.

— Не исключено. У моей жены с юности была хорошая подруга еврейка. Удивительная труженица, умная, хорошая женщина. Вдобавок, искренняя русская патриотка. Недавно она скончалась от неизлечимой болезни. Жена была при ней до последнего часа, и, умирая, эта Айзикович по большому секрету сообщила Надежде Владимировне, что в среде ее соплеменников выделились негодяи — националисты, которые хотят власти и затевают полное уничтожение верхушки русского народа. «Бегите за границу и как можно быстрее!» — заклинала она.— «Вас убьют первыми!»

— Так может быть...

— Никаких. Драпать не намерен. Лечь, так в родную. А насчет юнкеров — согласен. Оставьте сколько не жалко. Квартира у меня вон какая. Хоть все отделение

могу приютить. И целее будут, чем на улицах. Четверых можете оставить? Я с ними и занятия могу провести какие там по программе. Плохо ли? Того, который фуражку тянул.

— Кстати, однофамилец вашего адъютанта.

— Родственник?

— Спросите у него.

* * *

В Людмиле явно произошла перемена. Она долго стояла у окна, с улыбкой разглядывая юнкеров, махала ручкой, говорила что-то Гагарину, широко артикулируя, и он догадался: «При-ха-ди-те!» Потом она скрылась, вновь появилась в окне и помахала ему листком бумаги. Затем опять исчезла, теперь уже надолго.

— Пишет, — сказал Печкин.

— Счастливчик этот Гагарин! — восхитился юнкер Бахтияров. — Хороша девка!

— Кокетлива, — возразил Щеглин.

— Разговоры! — осек Гагарин.

Вскоре Людмила вновь появилась в окне, помахала Гагарину сложенным листком. Рядом с ней возникла Ирина Дмитриевна и отогнала дочь от окна, явно выговаривая ей, что ее поведение не скромно. Через некоторое время появился слуга Голубевых, Юлий Прокофьевич, принес письмо в заклеенном конверте. Гагарин строго поблагодарил его и сунул письмо в карман шинели, хотя рука горела распечатать.

— Гага, прочти! — загоготали юнкера.

— Молчать! — рявкнул Гагарин.

— Хоть погреемся от чужого счастья! — воскликнул Печкин.

— Сегодня Всем Скорбящим Радость, — произнес юнкер Сизов, изо всех них чуть ли не единственный богомолец.

— «Сегодня вечером увижусь я с тобою», — процитировал Щеглин.

— «Сегодня вечером решится жребий мой», — продолжил денис-давыдовскую цитату юнкер Ламанский.

— «Сегодня получу желаемое мною», — продолжил Петров-третий.

— «Иль абшид на покой», — закончил Щеглин.

В дверях появился поручик Ровный.

— Смирно! — скомандовал Гагарин.

— Вольно! — бросил Ровный. — Господа юнкера, четверым из вас будет поручено охранять дом, в котором проживает герой войны генерал Брусилов. Задание ответственное. Временно эти четверо освобождаются от занятий в училище, но генерал обещал позаниматься. Постовое дежурство вести посменно, по двое.

И письмо, и это!.. Не может быть столько везенья! Столько радости всем скорбящим. Хотя, собственно, почему он решил, что именно его оставят?.. Гагарин напрыгся в ожидании.

— Почетную обязанность нести охрану генерала Брусилова поручается юнкерам Ламанскому, Бахтиярову, Сизову и...

«Неужели не мне?!»

— ...Гагарину. Эх, и попадет же за фуражку! Генерал весьма сердится. Означенным четверым отправляться в дом. Остальные нале-во! Шагом марш!

